

ПОБЕДИТЕЛИ ПОЛУЧАЮТ ВСЕ Политика частичных реформ в посткоммунистических странах*

Подавляющая часть традиционного анализа политики экономических реформ основана на предположении о соотношении издержек и выгод от этих реформ, которое широко известно как J-кривая. Проще говоря, от реформ ожидается сначала ухудшение положения дел в экономике, прежде чем наступит их улучшение. В краткосрочном периоде последствиями экономических реформ являются трансформационные издержки, выраженные в высоком уровне безработицы, росте цен, снижении объема производства, так как экономика подстраивается под значительные изменения в политической и институциональной среде, которые необходимы для того, чтобы добиться выигрышей от долгосрочной эффективности полноценно функционирующих рынков. Соотнося издержки и выигрыши, в момент начала реформ политики сталкиваются с серьезной проблемой: как можно проводить реформы, которые требуют серьезных жертв в краткосрочном периоде ради чистых выигрышей в будущем? Разумеется, те субъекты, которые в результате реформ несут потери, будут брать реванш при первой же удобной возможности и требовать отказа от реформ**. Предвидя такую реакцию, политики, действующие в демократической системе, по понятным причинам неохотно предпринимают радикальные экономические реформы. Поэтому, пометкой метафоре Адама Пржеворского, основной проблемой политики реформ является спуск в “долину трансформации” для последующего подъема на “вы-

* Хотя работа, результатом которой является эта статья, осуществлялась при поддержке фондов National Council for Soviet and East European и Kennan Institute for Advanced Russian Studies, однако они, не отвечают за ее содержание и выводы. Статья была впервые представлена в 1996г. на ежегодной встрече American Association for the Advancement of Slavic Studies и в 1997г. на ежегодной встрече American Political Science Association. Я хотел бы поблагодарить участников этих встреч за их полезные комментарии, так же как и участников семинара в Гарвардском университете и колледже св. Антония, Оксфорд. Взгляды, выраженные в этой статье, не представляют собой позицию ЕБРР.– Перевод статьи осуществлен на основе текста, опубликованного в *World Politics* 50, January 1998, p.p. 203-234 (Прим. ред.).

** Автор использует термины “losers” и “winners”, которые мы переводим, как “проигрывающие” и “выигрывающие” от реформы, а также, во избежание повторов, как “несущие потери” и “бенефициары”. Однако, чтобы сделать более броским заглавие статьи, использовано еще одно значение слова “winner” – “победитель”. – *Прим. перев.*

сокие вершины” реформированной системы.¹ Такая логика вылилась в ряд политических рекомендаций, сосредоточенных на одной и той же теме – ограждения государства от давления со стороны проигрывающих в краткосрочном периоде реформы до тех пор, пока не сформируется достаточно сильный контингент выигрывающих от этой реформы, который будет способен поддерживать².

Хотя экономические реформы в посткоммунистических странах вызвали более чем достаточно трансформационных издержек, ожидаемая политическая динамика, которую обычно связывают с этими издержками, была едва заметна. Наиболее радикальные программы реформ в этом регионе были начаты и проведены в самых конкурентных политических системах, где политики были наиболее чувствительны к негативной реакции тех представителей электората, которые несли потери в краткосрочном периоде. Вопреки тому, что во время первых послереформенных выборов избиратели во многих случаях отклонили радикальные реформы правительства, программы реформ как таковые сохранились и во многих случаях даже были углублены. Еще более удивительно, что политика посткоммунистических экономических реформ не была подвержена более сильному давлению со стороны тех, кто обычно несет потери в краткосрочном периоде экономической трансформации – бастующих рабочих, бывших государственных чиновников, обедневших пенсионеров или армии безработных.

Большинство же общеизвестных препятствий продвижению экономических реформ в переходных экономиках имеет совсем другие источники: предпринимателей-инсайдеров*, которые стали новыми владельцами, чтобы присвоить активы своих фирм; коммерческих банков, которые сопротивлялись макроэкономической стабилизации, чтобы сохранить свои огромные возможности арбитража на разрушенных финансовых рынках; местных должностных лиц, которые хотели предотвратить вход на рынок в своих регионах, чтобы сохранить свою долю монопольной ренты; и так называемых “мафиози”, которые препятствовали созданию стабильной законодательной базы рыночной экономики.

Этих экономических субъектов с трудом можно отнести к тем, кто несет чистые потери в процессе реформирования. Наоборот, они были ее самыми первыми и самыми крупными бенефициарами. Эта выигрывающая сторона не сопротивлялась началу реформ и не предпринимала попыток полностью отменить их. Вместо этого они часто пытались блокировать некоторые достижения процесса реформирования, угрожающие им уничтожением отдельных преимуществ, и устранения рыночных деформаций, на которых базиро-

* Инсайдер – лицо, имеющее в силу служебного положения конфиденциальную информацию о делах фирмы. – *Прим. перев.*

вались их собственные прежние выигрыши от реформ. Вместо объединения избирателей в поддержку реформ, бенефициары краткосрочного периода зачастую пытались застопорить экономику в состоянии *равновесия частичной реформы*, которое создает концентрированную ренту для них самих, одновременно возлагая высокие издержки на остальную часть общества.

В то время как общепринятые модели политики экономических реформ реализуются через краткосрочные мотивы субъектов, несущих чистые потери, посткоммунистический переходный период сталкивается с гораздо более серьезными препятствиями к прогрессивным экономическим реформам со стороны субъектов, имеющих чистый выигрыш. Более того, препятствия возникли в меньшей степени в форме ожидаемого (*ex ante*) сопротивления продвижению реформ, или требования фактической (*ex post*) их отмены вследствие голосования избирателей, чем в форме затянувшегося поддержания состояния частичных реформ и связанных с ними рыночных деформаций. Из этого следует, что нужно пересмотреть предписания, вытекающие из общепринятых моделей, относительно политических институтов как проводников экономических реформ. Эта статья приводит к заключению, что акцент на ограждении государства от давления со стороны проигрывающих от реформ в краткосрочном периоде (центральный момент большинства существующих моделей) должен быть смещен в сторону понимания важности ограничения влияния выигрывающих на ранних стадиях реформ.

Статья начинается с тестирования применимости к посткоммунистическим странам моделей, основанных на J-кривой соотношения издержек и выгод реформы. В ней проверяются и предполагаемые, и фактические политические преграды осуществления реформ, вытекающие из такой модели. Что касается ожидаемых преград реформам, то примеры переходных экономик свидетельствуют о том, что в государствах с более частыми выборами и более коротким сроком пребывания у власти и соответственно более восприимчивых к настроениям избирателей, несущих потери в краткосрочный период, выше вероятность всесторонних реформ, чем в государствах, которые в большей степени ограждены от давления электората. Что же касается фактических преград, то ежегодное ранжирование успехов экономических реформ доказывает слабость угрозы их отмены в посткоммунистических переходных экономиках.

Далее в статье представлена модель политики экономической реформы, в которой первоначальные политические проблемы порождаются выигрывающими от процесса реформирования в целом. Показано, что частичные экономические реформы вызывают рыночные деформации, ведущие к сосредоточению выигрыша и рассеиванию потерь в краткосрочном периоде. Бенефициары имеют стимул к возможно более долгому сохранению этих источников значительной по размерам ренты путем блокирования любых мер по устра-

нению деформаций. Чтобы подтвердить справедливость этой модели издержек и выигрышей от реформ, используются недавние сведения об изменениях в концентрации доходов в посткоммунистических странах. В переходных экономиках, которые предприняли лишь частичные реформы, произошло более сильное перераспределение доходов в пользу весьма узкой части общества, чем в тех странах, которые осуществили всесторонние реформы или не реформировали экономику вообще. В заключение статьи высказывается альтернативная точка зрения на политические институты, наиболее благосклонные к устойчивому прогрессу экономического реформирования, несмотря на проблемы, создаваемые бенефициарами.

Ж – КРИВАЯ

Большинство существующих моделей политики экономических реформ основаны на анализе издержек и выгод реформ, которому соответствует Ж-кривая, изображенная на рис. 1. Ее простой наглядный смысл состоит в том, что экономические реформы вызывают в краткосрочном периоде трансформационные издержки, и лишь после этого реформы начинают приносить обещанные экономические выигрыши. Считается, что величина этих издержек положительно коррелирует с масштабом (или радикализмом) осуществляемых реформ. Неэффективные предприятия должны быть закрыты или реструктурированы, государственные субсидии и расходы на социальную сферу должны быть уменьшены, а внутренние цены увеличены до мирового уровня – это программа, в соответствии с которой в краткосрочном периоде следует ожидать роста безработицы, резкого сокращения объемов производства и падения уровня жизни. Только когда экономика начинает подстраиваться под новую структуру мотивации, можно ожидать какого-либо улучшения ситуации. Некоторые аналитики даже ожидают от начала реформ роста неэффективного распределения ресурсов в краткосрочном периоде, поскольку размытые права собственности, отсутствие развитых финансовых рынков, сохранение монополий, недостаточно развитый человеческий капитал искажают реакцию на рыночные стимулы³.

Изображение издержек и выгод реформ в форме Ж-кривой особенно убедительно с политической точки зрения, поскольку она дает правдоподобное объяснение основного парадокса политической экономии реформ: если реформы в конечном счете делают всех или большинство жителей страны богаче, почему они настолько политически спорны, особенно в демократических системах? Стандартным ответом было то, что реформы, с учетом проблемы несовпадения во времени (временных лагов), требуют от экономических субъектов согласиться с потерями в краткосрочном периоде ради не более чем обещания будущих выигрышей. Отказ от предполагаемых реформ может

быть выгодным для экономических субъектов. Если правительство неспособно дать твердого обязательства проводить эти реформы, пока не появятся обещанные выигрыши, или гарантировать, что такие выигрыши не будут конфискованы, как только они будут получены, экономическим субъектам целесообразно отклонять реформы *ex ante*⁴.

Рис.1 J-кривая

Предполагается, что соотношение издержек и выгод согласно J-кривой порождает проблему коллективных действий, которая, в свою очередь, создает политические препятствия экономическим реформам. Это аргументируется тем, что издержки от экономических реформ сосредоточены среди отдельных групп, — а именно, среди тех, кто имел привилегии или субсидии благодаря прежнему статус-кво, в то время как выгоды от реформ широко рассеяны. Низкая инфляция, увеличившееся предложение товаров и услуг, стабильная валюта и т.д. — эти неисключаемые выигрыши накапливаются в обществе в целом, и, следовательно, имеют характеристики общественных благ*. Если потери сконцентрированы среди отдельных групп людей, а выгоды широко рассеяны, то у несущих потери есть намного больше мотивов объединиться, чем у бенефициаров⁵. Таким образом, можно ожидать, что политическое сопротивление экономическим реформам со стороны проигрывающих будет более эффективным, чем поддержка реформ со стороны

* Общественное благо в отличие от частного экономического блага характеризуется, во-первых, неисключаемостью (эти блага неделимы, могут потребляться лишь сообща и отсутствуют механизмы исключения из пользования ими кого-либо из потребителей) и во-вторых, неконкурентностью (извлечение полезности одним субъектом не препятствует пользованию благом всеми желающими). — *Прим. ред.*

выигрывающих, даже если они превосходят первых численностью.

Несовпадение во времени издержек и выгод реформ и проблема коллективных действий порождают как предполагаемые, так и фактические преграды реформам. Политики в демократических системах откажутся начать любые реформы, выгоды от которых не могут быть реализованы до следующих выборов. Поскольку предполагается, что радикальные реформы порождают высокие краткосрочные издержки, то если они предприняты, высока вероятность их отмены *ex post* в качестве реакции проигрывающих на высокие издержки. Поэтому следует ожидать, что политики предпочтут более умеренные программы реформ.

Эти *ex ante* и *ex post* политические преграды реформам привели многих аналитиков и практиков реформ к акценту на преимуществах ограждения правительства от давления несущих потери, по крайней мере на начальных стадиях реформирования. В более ранней литературе, посвященной политике реформ, основополагающей точкой зрения было, что авторитарное правительство имеет преимущество в реализации экономических реформ. Для признания необходимости экономических реформ этот акцент был смещен на выгоды от государственной автономии, усиления исполнительной власти и делегирования властных полномочий технократам⁶. Тем не менее обоснование обеих точек зрения одно и то же: политические институты нуждаются в структурировании, чтобы защитить государственных деятелей от давления со стороны несущих потери в краткосрочном периоде до тех пор, пока выгоды от реформ не создадут необходимой политической прослойки для их поддержки.

Несмотря на то, что применение подхода J-кривой к политике экономических реформ было широко распространено, оно основано на ряде предположений, которые не были подвергнуты систематической эмпирической проверке⁷. Такой подход предполагает, что экономические реформы будут порождать трансформационные издержки раньше, чем реализуются выгоды, и эти издержки будут увеличиваться по мере принятия все более широкомасштабных программ реформ. С точки зрения политической динамики реформ такой подход ведет к простой гипотезе: в политической системе, в которой реформаторы весьма чувствительны к реакции проигрывающих, принятие масштабных экономических реформ маловероятно, а, если такие реформы приняты, то более вероятна их отмена. Посткоммунистические переходные экономики представляют идеальную возможность проверить эти предположения относительно издержек переходного периода и поведения реформаторов на целом ряде новых примеров.

Текущее наличие достоверных международных данных по посткоммунистическим транзитивным экономикам позволяет нам проверить некоторые экономические предположения, имманентные модели, основанной на J-кри-

вой⁸. Хотя данные подтверждают, что внедрение экономических реформ влечет за собой значительные издержки переходного периода, они ставят под сомнение предположение о связи между величиной этих издержек и масштабом самих реформ.

Таблица 1. Изменения в ВВП

Годы	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Все страны	1,55	-4,5	-10,45	-17,17	-9,29	-7,74	-0,84
Исключая воюющие	1,93	-3,20	-10,65	-13,79	-6,67	-6,02	0,11

Источник: ЕБРР (ссылка 8, 1995)

Таблица 1 представляет данные среднего ежегодного темпа роста ВВП всех посткоммунистических стран, а также тех переходных экономик, где не было военных действий. Трансформационные издержки реформ, как это видно из понижения ВВП, соответствуют модели J-кривой. ВВП региона начал падать в 1990г. (-4,5%), опустившись до самого низкого уровня в 1992г. (-17,7%), а затем начал постепенно возрастать. Однако изучение посткоммунистических стран, сгруппированных по критерию объема их экономических реформ, обнаруживает совершенно неожиданную картину.

Для измерения масштаба либеральных реформ среди всех стран с переходной экономикой Мировой банк разработал ряд показателей, применяемых в трех широких сферах: внутренние цены, внешние цены, рост частного сектора⁹. На основании этих показателей* все транзитивные экономики можно объединить в четыре основные группы: страны с продвинутыми реформами; страны с темпом реформ выше среднего; страны с темпом реформ ниже среднего и страны с медленными реформами¹⁰. Рис.2 позволяет сравнить изменение среднего ежегодного темпа роста ВВП по каждой группе. Наиболее резкое падение реального ВВП наблюдается именно в странах со средним, а не продвинутым темпом реформ, как это можно предположить согласно J-кривой. В действительности страны с продвинутыми реформами имеют наименьшее снижение объемов выпуска и наиболее быстрое его восстановление¹¹. Среднее отношение реального ВВП в 1994г. к уровню 1989г. составило 83% в странах с продвинутыми реформами. Это же отношение упало до

* Индекс либерализации экономики – это средневзвешенное значение оценки либерализации внутреннего рынка (либерализация цен и отмена государственной монополии на торговлю), внешних операций (отмена экспортных контрактов и пошлин, замена импортных квот и высоких тарифов низкими и умеренными пошлинами, конвертируемость валюты для операций по текущим счетам) и возникновения новых компаний (приватизация и развитие частного сектора). –Прим перев.

65% в странах с темпом реформ выше среднего, до 57% – в странах с темпом реформ ниже среднего и до 72% в странах с медленными реформами¹².

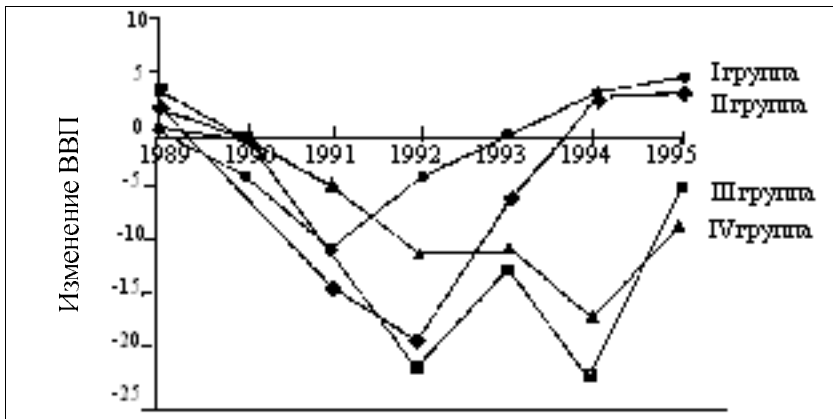

Рис. 2 ВВП в реформируемых группах

Предварительные данные по посткоммунистическим странам позволяют предположить, что чем глубже реформы, тем ближе “долина трансформации” с учетом всех издержек переходного периода. Другими словами, нет положительной корреляции между издержками и масштабом реформ¹³.

Размер безработицы в посткоммунистических странах – обычно рассматриваемый как решающий фактор формирования политики экономических реформ – в большей степени соответствует ожиданиям подхода J-кривой. В табл. 2 представлены данные по зарегистрированной безработице в посткоммунистических странах, сгруппированные по признаку их оценки на основе индекса либерализации Мирового банка¹⁴.

Страны, которые предприняли активные реформы, обнаруживают значительно более высокий уровень безработицы, чем страны с вялотекущими реформами, однако зависимость между масштабностью проводимых реформ и уровнем безработицы менее ясна. Аслунд, Бун и Джонсон не обнаружили статистически значимой корреляции между масштабом экономических реформ и уровнями безработицы, хотя в регрессию были включены основные контрольные переменные¹⁵. Кроме того, были агрегированы данные отдельных случаев.

Таблица 2. Безработица

Годы	1990	1991	1992	1993	1994
Страны на стадии продвинутых реформ					
Польша	6,1	11,8	13,6	16,4	16
Словения	4,7	8,2	11,1	14,5	14,5
Венгрия	2,5	8,0	12,3	12,1	10,9
Чехия	0,8	4,1	2,6	3,5	3,2
Словакия	1,5	11,8	10,4	14,4	14,8
Среднее	3,1	8,8	10,0	12,2	11,9
Страны на стадии реформ выше среднего уровня					
Эстония	0,0	0,1	4,8	8,8	8,1
Болгария	1,5	11,1	15,3	16,4	12,8
Литва	0,0	0,3	1,3	4,4	3,8
Латвия	0,0	0,1	2,1	5,3	6,5
Албания	7,7	8,6	26,9	28,9	19,5
Румыния	0,0	3,0	8,4	10,2	10,9
Среднее	1,5	3,9	9,8	12,3	10,3
Страны на стадии реформ ниже среднего уровня					
Киргизстан	0,0	0,0	0,1	0,2	0,7
Россия	0,0	0,1	0,8	1,1	2,2
Молдова	0,0	0,0	0,7	0,8	1,2
Казахстан	0,0	0,1	0,5	0,6	1,0
Среднее	0,0	0,1	0,5	0,7	1,3
Страны с низким уровнем реформ					
Узбекистан	0	0	0,1	0,2	0,3
Украина	0	0	0,3	0,4	0,4
Беларусь	1	1	0,5	1,5	2,1
Туркменистан	0	0	0	0	*
Среднее	0,3	0,3	0,2	0,5	0,9
Страны, в которых велись военные действия					
Армения	1	3,5	3,5	6,2	5,6
Азербайджан	0	0,1	0,2	0,7	0,9
Грузия	0	0	5,4	8,4	*
Таджикистан	0	0	0,3	1,1	1,7
Хорватия	9,3	15,5	17,8	17,5	18
Македония	*	18	19	19	19
Среднее	2,1	6,2	7,7	8,8	9,0

* – нет данных

Источник: De Melo, Deniser, and Gelb (ссылка 8)

Несмотря на введение и реализацию наиболее всесторонней программы реформ, Чешская Республика имеет крайне низкий уровень безработицы. В

то же время, менее масштабные реформы, предпринятые в таких странах, как Албания, Болгария и Румыния, вызвали относительно более высокий уровень безработицы. Государства бывшего Советского Союза (FSU) имеют в целом более низкую безработицу, чем остальные страны Восточной Европы, но самые масштабные реформы в странах внутри FCU (страны Балтии) привели к наивысшему уровню безработицы.

Политический смысл модели J-кривой невозможно проверять систематически. Если ex ante политические мотивы препятствуют реализации всесторонних экономических реформ, то можно ожидать, что политики, столкнувшись с более сильным давлением электората и более коротким, чем ожидалось, сроком нахождения у власти, будут гораздо менее охотно инициировать такие реформы. Как доказывают Хаггард и Кауфман, с политической точки зрения определенная заинтересованность в длительности своего срока нахождения у власти “будет предъявлять минимальные требования к успешности реформ, тогда как более высокая степень безразличия к этим срокам сокращает время реализации реформ и увеличивает ставки будущих выигрышей (от экономических реформ)”¹⁶.

В табл. 3 представлены данные о сменяемости исполнительной власти и среднем сроке нахождения у власти правительства в посткоммунистических странах, исключая те, где происходили военные действия¹⁷. Вновь страны сгруппированы на основании оценки либерализации Мирового банка. Первый столбец показывает, сколько раз менялось правительство с момента начала реформ и до конца 1995г.¹⁸ Страны и с продвинутым, и со средним темпом реформ имеют в среднем 3,5 смены правительства, в то время как обе группы с медленными реформами имеют не более одного правительства за аналогичный период. В Польше, одной из стран региона, прославившейся своими радикальными реформами, за период между 1990г. и 1997г. было семь премьер-министров и три президента. Страны Балтии, в которых осуществляются наиболее либеральные реформы среди стран бывшего СССР, за время своей независимости сменили не меньше, чем четырех премьер-министров. Хотя остальные страны с продвинутыми реформами имели более стабильные правительства, все они с момента начала своей трансформации сменили нескольких премьер-министров. Напротив, среди стран с медленными реформами только Украина и Беларусь с начала переходного периода поменяли глав правительства.

Иным образом различия в сменяемости исполнительной власти выражены с помощью данных о сроке нахождения правительства у власти (табл. 3)¹⁹. Страны из первых двух групп сменяли правительство в среднем приблизительно через 25 месяцев. Шесть из одиннадцати стран в этих двух группах в среднем меняли правительство меньше чем через восемнадцать месяцев. Хотя некоторые из наиболее успешно реформируемых стран – Чехия, Венг-

рия и Словения – имели отдельные правительства с относительно долгим сроком пребывания у власти, эти правительства не совсем соответствуют стандартному имиджу реформатора как сильного, целеустремленного и относительно автономного, наделенного способностью настойчиво проводить реформы вопреки сопротивлению бюрократов и населения. В Словении правительство Дрновсека, которое пришло к власти в мае 1992 г., начинало как явно временное, управляющее страной до парламентских выборов в декабре 1992 г.

Таблица 3. Стабильность правительства

	Количество смен исполнительной власти	Средний срок нахождения правительства у власти (мес.)
Страны на стадии продвинутых реформ		
Польша	6	14
Словения	2	34
Венгрия	3	26
Чехия	2	35
Словакия	5	14
Среднее	3,6	24,6
Страны на стадии реформ выше среднего уровня		
Эстония	4	17
Болгария	6	13
Латвия	4	15
Литва	5	14
Албания	2	27,5
Румыния	1	67
Среднее	3,7	25,6
Страны с реформами ниже среднего уровня		
Киргизстан	1	62
Россия	1	54
Молдова	1	61
Казахстан	0	69
Среднее	0,8	61,5
Страны с низким уровнем реформ		
Туркменистан	0	62
Украина	2	24
Узбекистан	0	62
Беларусь	2	26
Среднее	1	43,5

После выборов Дрновсек возглавил ненадежное коалиционное правительство, состоящее из пяти партий, бывшие предметом частых обществен-

ных дискуссий, дальнейшая судьба которого нередко казалось призрачной²⁰. В Венгрии правительство Джозефа Анталла, несмотря на достаточный запас прочности, отказалось от радикального подхода к экономическим реформам и выбрало ярко выраженную стратегию постепенных реформ (градуализм), которая имела успех в предшествующий период коммунистической эпохи в Венгрии²¹. Единственным примером радикальных экономических реформ, осуществляемых стабильным правительством с высокой степенью автономии и уверенности в себе, является правительство Клауса в Чешской республике²².

В целом в регионе медленные реформы осуществлялись политическими лидерами, имеющими наиболее длительный и стабильный срок пребывания у власти. За исключением Беларуси и Украины, все страны с медленными реформами с самого начала своей трансформации постоянно руководились одними и теми же президентами²³. Среди продвинутых и средних по степени реформаторов аналогичного несменяемого президента, вплоть до недавнего поражения от Яна Илиески на президентских выборах в ноябре 1997 г, имела Румыния.²⁴

Посткоммунистические страны с более частой сменяемостью исполнительной власти и более короткими сроками нахождения правительства у власти в целом были более далеки от успеха в своих экономических реформах. Как бы то ни было, с большей степенью вероятности предпринимают экономические реформы политики с узким временным горизонтом²⁵. Те политические лидеры, которые были уверены в длительности своего срока правления, инициировали частичные экономические реформы или вообще тормозили реформы, даже если они могли столкнуться с очень слабой угрозой требований избирателей и населения проводить более всесторонние реформы. Однако эти факты не могут служить доказательством причинно-следственной связи между сменяемостью исполнительной власти, стабильностью правительства и экономическими реформами: они лишь позволяют отметить, что существенным предполагаемым препятствием реализации реформ в посткоммунистических переходных экономиках является угроза реванша со стороны электората, выступающего против краткосрочных издержек экономических реформ.

Если политическая угроза экономическим реформам с самого начала реальна, то следует ожидать отказа от экономических реформ или их сдерживания под давлением электората. Пржеворски доказывает, что высокие краткосрочные издержки реформы могут вызвать негативную реакцию электората и как следствие – отмену или сдерживание реформ. Это формирует известную модель экономической трансформации “стоп – вперед” (stop-and-go), в которой реформы “проходят рывками: продвижение, сомнение, отступле-

ние и снова продвижение”²⁶. Посткоммунистические страны определенно испытали давление на реформы негативной реакции электората. В трех из пяти стран с продвинутыми реформами – в Венгрии, Польше и Словакии – правительство реформаторов было переизбрано и заменено партиями, выступающими за более умеренные реформы. Аналогичные замены правительств-реформаторов произошли в трех из шести стран из группы с темпом реформ выше среднего – Болгарии, Эстонии и Литве. Однако в этих странах изменение взглядов электората на противоположные не сопровождалось серьезным пересмотром стратегии реформы.

Таблица 4. Отдельные значения составляющих индекса либерализации (CLI)

Годы	1990	1991	1992	1993	1994
Венгрия					
Либерализация внутреннего рынка	0,8	0,9	0,9	0,9	0,9
Либерализация внешних операций	0,7	0,9	0,9	0,9	0,9
Возникновение новых компаний	0,3	0,5	0,6	0,7	0,8
Польша					
Либерализация внутреннего рынка	0,7	0,7	0,9	0,9	0,9
Либерализация внешних операций	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9
Возникновение новых компаний	0,5	0,6	0,9	0,7	0,8
Литва					
Либерализация внутреннего рынка	0,3	0,5	0,8	0,9	0,9
Либерализация внешних операций	0	0,2	0,5	0,9	1
Возникновение новых компаний	0,1	0,3	0,4	0,6	0,8
Эстония					
Либерализация внутреннего рынка	0,3	0,5	0,9	0,9	0,9
Либерализация внешних операций	0,1	0,3	0,7	1	1
Возникновение новых компаний	0,2	0,2	0,4	0,6	0,8
Словакия					
Либерализация внутреннего рынка	0	0,9	0,9	0,9	0,9
Либерализация внешних операций	0	0,8	0,9	0,8	0,8
Возникновение новых компаний	0,4	0,7	0,8	0,8	0,8
Болгария					
Либерализация внутреннего рынка	0	0,9	0,9	0,9	0,8
Либерализация внешних операций	0,5	0,9	0,9	0,9	0,8
Возникновение новых компаний	0,1	0,2	0,3	0,3	0,4

Источник: Мировой банк (ссылка 8)

Таблица 4 представляет ежегодную оценку трех составляющих индекса либерализации Мирового банка для шести стран, отнесенных к категории тех, в которых существовала негативная реакция электората на реформы правительства. К концу 1994г. остались только две страны, в которых составляющие индекса либерализации снижались от года к году. В Болгарии мас-

штаб либерализации внутреннего рынка и внешних операций незначительно снизился с 0,9 в 1993г. до 0,8 в 1994г. (по шкале 0 -1, где 1 – полная либерализация), поскольку непартийное правительство технократов, возглавляемое Любеном Беровым, было смещено в результате всеобщих выборов Болгарской социалистической партией. Аналогичное небольшое снижение по шкале либерализации внешних операций с 0,9 до 0,8 было зафиксировано между 1992 и 1993гг. в Словакии после распада Чехословакии. Согласно оценке Мирового банка, не было иных реальных причин отказа от либеральных реформ в любой из посткоммунистических стран, чем сопротивление реформам электората. И действительно, среди целого ряда посткоммунистических стран с 1989г. по 1994г. было только два случая отмены реформы, кроме двух незначительных, описанных выше.²⁷

Негативная реакция электората на реформы иногда вызывала замедление темпов прогресса в отдельных сферах экономических реформ. В Литве и Польше темпы крупномасштабной приватизации значительно снизились после победы коммунистов на выборах в этих странах. Ваучерная приватизация была также приостановлена в Словакии после распада Чехословакии²⁸. Тем не менее были и примеры, когда сопротивление ориентированному на реформы правительству привело к интенсификации реформ в отдельных областях. Россия сделала большие успехи в большой приватизации только после того, как правительство Егора Гайдара было вынуждено уйти в отставку²⁹. Венгрия и Литва претворили в жизнь программу жесткой макроэкономической стабилизации после победы на выборах социалистических партий³⁰. Эстония продолжила проводить экономические реформы в быстром темпе после замены либеральным правительством Марта Лаара гораздо более умеренного правительства Вахи.

Хотя в большинстве случаев внедрение программ всесторонних экономических преобразований разжигало жажду реванша правительству реформаторов через избирательные урны, негативная реакция электората не привела к ожидаемому отказу от реформ. Мнение, что политикам придется столкнуться с попытками отменить реформы в виде реакции населения на высокие трансформационные издержки, не нашло подтверждения в посткоммунистических переходных экономиках³¹.

Посткоммунистические страны представляют собой парадокс в политической экономии реформ. На первый взгляд, всесторонние реформы сталкиваются *ex ante* и *ex post* с политическим протестом со стороны проигрывающих, которые выступают против краткосрочных трансформационных издержек реформ, несмотря на обещание выигрышей в долгосрочной перспективе. Тем не менее в посткоммунистических переходных экономиках наиболее всесторонние программы реформ оказались связанными с более низкими издержками переходного периода, чем умеренные или медленные реформы.

Более того, именно в тех странах, в которых политические лидеры были наиболее чувствительны к требованиям проигрывающих в краткосрочном периоде, были взяты и выдержаны наиболее высокие темпы экономических преобразований. Страны, правительства которых были ограждены от давления электората и наслаждались высоким уровнем безопасности пребывания у власти – которые традиционно представляются наиболее способными к осуществлению необходимых, но дорогостоящих экономических реформ – в реальности являются аутсайдерами посткоммунистической экономической трансформации. Почему так много посткоммунистических стран выбрало курс частичных реформ с более высокими социальными издержками в краткосрочном периоде и более низкими ожидаемыми выгодами в долгосрочной перспективе? Если давление на ход реформ исходило не от тех, кто традиционно несет потери – безработных рабочих, обедневших пенсионеров, раздутого штата государственных служащих и т.д., – то что за политическая сила приводит в движение частичные реформы?

ПОЛИТИКА ЧАСТИЧНЫХ РЕФОРМ

Акцент политической экономии реформ исключительно на проигрывающих отвлекает внимание от анализа интересов и стимулов бенефициаров этих реформ. Традиционный подход к политике экономических реформ базируется на простом и, казалось бы, бесспорном предположении, что экономические реформы создают слой выигрывающих, размер доходов которых зависит от поддержки и продолжения этих реформ. Поэтому одной из целей реформы является создание прослойки выигрывающих, которые будут предпринимать усилия по продвижению от переходной экономики к рыночной³².

Наиболее распространенное заблуждение – считать, что выигрывающие в краткосрочном периоде рассеяны по всей экономике, в то время как несущие потери сконцентрированы в определенных группах. Эффективные выигрыши, которые обычно связаны с экономическими реформами – это снижение инфляции, создание стабильной валюты, снижающийся дефицит бюджета и увеличившееся предложение товаров и услуг – могут рассматриваться как общественные блага. Следовательно, бенефициары этой политики препятствуют коллективным действиям. Но несущие потери сталкиваются со значительными краткосрочными издержками и, таким образом, имеют мощные стимулы к участию в коллективных действиях против реформ³³. Хотя с позиции создания групп поддержки реформ главная надежда была связана с реальными и потенциальными бенефициарами, модель выигрышей от реформ в начальный период допускает ослабление их действенности как политической силы.

В связи с этим возникает вопрос, который не был исследован в политической экономии реформ: кто выигрывает от частичных экономических ре-

форм³⁴? Частичные реформы влекут за собой избирательное внедрение рыночных механизмов в экономическую систему, в которой значимые сферы экономической активности уже функционируют в соответствии с альтернативными механизмами координации. Как уже отмечалось в отношении переходных экономик, частичные реформы несут угрозу разрушения стабильности и эффективности – однако ограниченного – существующей экономической системы без необходимого генерирования эффективных выигрышей, связанных с полноценно функционирующими рынками³⁵. В результате прогнозировалось, что частичные реформы вызовут более высокие социальные издержки в краткосрочном периоде, чем масштабные реформы и поддержание статус-кво. В то же время ожидалось, что частичные реформы создадут возможность получения ренты, образующейся благодаря разнице в ценах между либерализованными секторами экономики и теми, которые продолжают регулироваться нерыночными механизмами³⁶.

Примеры такой деятельности по извлечению ренты можно повсеместно встретить в посткоммунистических переходных экономиках. Быстрая либерализация внешней торговли при недостаточной либерализации внутренних цен позволила менеджерам государственных предприятий продавать свои сильно субсидируемые запасы природных ресурсов (например, нефть или газ) иностранным партнерам по мировым ценам. Либерализация цен без соответствующего прогресса по увеличению открытости рынков или разрушению монополий давала некоторым производителям возможность получать монопольную ренту. Приватизация без реформы кредитного механизма позволила менеджерам направить льготные государственные кредиты, предназначенные для развития производства, на краткосрочные денежные рынки по высоким процентным ставкам. В обоих случаях эти арбитражные возможности обеспечили ренту тем экономическим субъектам, положение которых приносило выгоду от этих рыночных деформаций. Кроме того, перераспределение ренты привело к неэффективному размещению ресурсов по сравнению с тем, которое можно было бы ожидать от полноценно функционирующего рынка.

В некоторой степени эти возможности получения ренты могут существовать независимо от применяемых стратегий реформ. Переход от командной экономики к рыночной требует широкого комплекса политических и институциональных преобразований, многие из которых имеют отличающиеся друг от друга временные лаги. Очевидно, что цены можно либерализовать гораздо быстрее, чем устранить монополии. Процентные ставки могут изменяться значительно быстрее, чем новые коммерческие банки обретут способность оценивать возможность выдачи займов. Ограничения во внутренней и внешней торговле могут быть сняты гораздо быстрее, чем появятся адекватные инструменты исполнения контрактных обязательств. Эти различия во

временных лагах различных направлений всесторонних реформ вызывают рыночные деформации, аналогично разрывам во времени, связанным с открытым проведением частичных реформ.

И всеобъемлющие, и частичные реформы порождают бенефициаров краткосрочного периода, чьи выигрыши полностью или частично зависят от ренты, образующейся благодаря существованию деформаций в развивающейся рыночной экономике. Более того, эта рента является высококонцентрированной, принося выгоду благодаря арбитражу за счет различий между охваченными и неохваченными реформой секторами экономики.

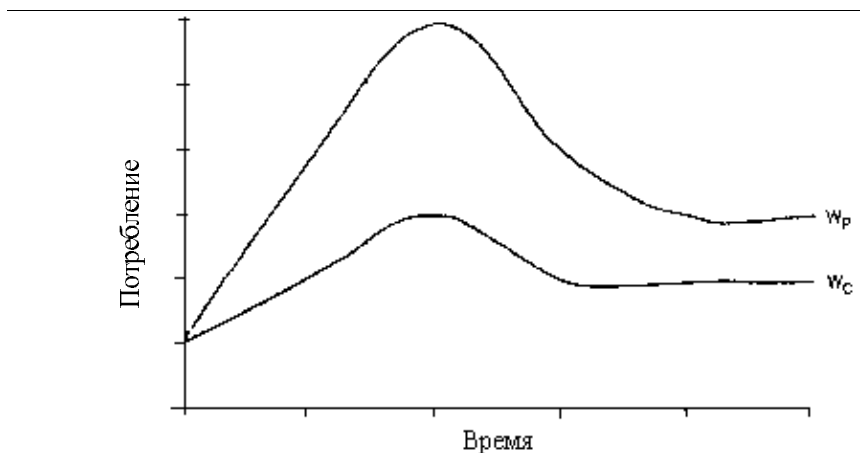

Рис. 3. Кривая бенефициаров

Если с течением времени экономические реформы продолжают прогрессировать, то рыночные деформации, порождающие эти концентрированные ренты, постепенно исчезнут. Дальнейшая либерализация цен ликвидирует возможность арбитражных операций между государственным сектором с его фиксированными ценами и экспортным сектором со свободными ценами. Последовательные жесткие бюджетные ограничения предприятий устроят неэффективное распределение государственных субсидий. Приватизация сопряжена с созданием эффективной структуры корпоративного управления, которая уменьшит разбазаривание активов предприятий-инсайдеров. Эти меры не только приносят реальные выгоды экономике, но и изменяют направление потоков частных выигрышей первоначальных бенефициаров реформ. Выигрывающие уступают концентрированный поток ренты, образованный первоначальными рыночными деформациями, в пользу своей доли общего выигрыша от эффективности, связанной с дальнейшими рыночными

реформами. Как результат, продвижение рыночных реформ может со временем сократить частные выигрыши первоначальных бенефициаров, хотя в экономике в целом выигрыши от эффективности возрастут.

С точки зрения перспектив для бенефициаров, традиционная J-кривая должна быть перевернута, как на рис. 3. Их доходы быстро увеличиваются в краткосрочном периоде, поскольку первоначальные рыночные деформации дают возможность получить концентрированную ренту. Однако через некоторое время достижения реформ постепенно уничтожат эти деформации, рассредоточив ренту начального периода.

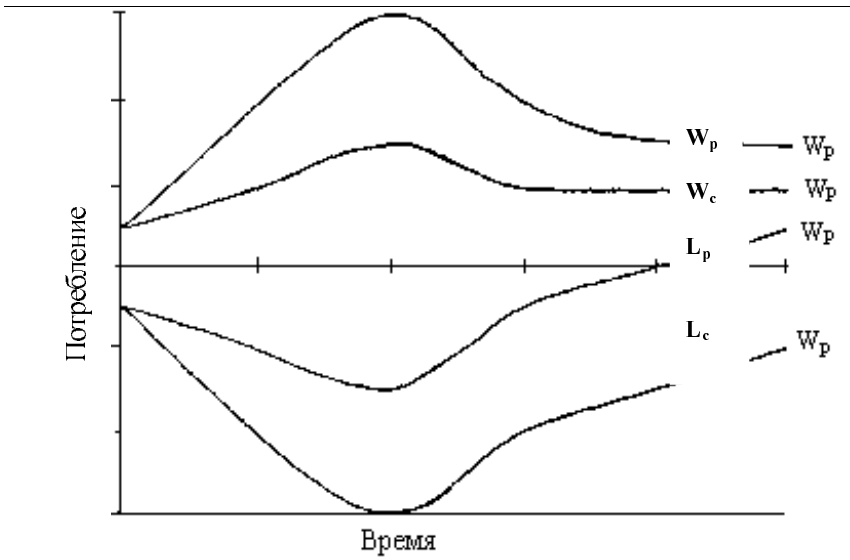

Рис.4 Кривые доходов и потребления выигрывающих и проигрывающих в начальный период реформ

Форма кривой бенефициаров будет зависеть от всесторонности реформ в начале трансформации и дальнейших шагов по их продвижению. На рис. 3 линия W_p отражает кривую потребления бенефициаров в стране, начавшей трансформацию с частичных реформ. Линия W_c изображает кривую доходов бенефициаров в стране, которая начала с программы более всесторонних реформ. Более пологая кривая дает основание предположить, что всесторонние реформы порождают менее концентрированные ренты для бенефициаров и менее резкое снижение доходов в качестве одного из успехов реформы.

При включении этих кривых в традиционную модель J-кривой возникнет другая картина политической экономики реформ в посткоммунистических

странах. Если частичные реформы приводят к более высоким социальным издержкам в краткосрочном периоде, то возросшая концентрация ренты в руках бенефициаров вызовет соответствующее сокращение потребления тех, кто несет потери. На рис. 4 кривая потребления проигрывающих в экономике с частичными реформами L_p является зеркальным отражением кривой выигрывающих W_p . Поскольку собственные доходы бенефициаров частичных реформ увеличиваются, издержки проигрывающих также увеличиваются. Если деформации частичных реформ постепенно исчезают, то бенефициары сталкиваются со снижением своей ренты, в то время как проигрывающие получают свою долю выигрышей от эффективности, и таким образом, разрыв между двумя кривыми уменьшается. Страны, которые с самого начала предприняли всесторонние реформы, имеют более узкий разрыв между кривыми доходов выигрывающих и проигрывающих, W_c и L_c . Трансформационные издержки в краткосрочный период значительно ниже, чем в случае частичных реформ, и проигрывающие начинают видеть преимущества реформы на более ранних стадиях процесса реформирования и на более высоком уровне.

В рамках стандартного подхода J-кривой, если выборы состоялись до момента, когда реформы начали приносить выгоды большинству избирателей, электорат будет противодействовать краткосрочным издержкам, голосуя за отмену или сдерживание реформ. Включение бенефициаров приводит к другому подходу к политическим преградам проведению экономических реформ. Политика экономических реформ обычно изображается как выбор программы реформ (радикальная или постепенная) в качестве ключевого момента политического процесса (собственно выборов), в котором избиратели играют решающую роль. Более реалистично процесс должен быть представлен как результат последовательного выбора отдельных компонентов общего плана реформы – либерализации, стабилизации, приватизации и многих других, – что не обязательно совпадает с датой выборов. В таком случае следует ожидать, что бенефициары с их концентрированными выигрышами будут играть более решающую роль, обусловленную их большими ресурсами и меньшим количеством, а также их селективным отношением к коллективным действиям. Действительно, было бы логичным предположение, что бенефициары могут обладать потенциальной властью наложить вето на решения об отдельных компонентах экономических реформ, особенно те, которые могут повлиять на существующие потоки их ренты.

Возвращаясь к рис.4, заметим, что если процесс реформ состоит из последовательно принимаемых во времени решений, то бенефициары будут продолжать поддерживать продвижение реформ до времени t_1 . После t_1 они имеют стимулы к наложению вето на любую программу реформ, которая будет продвигать экономику к более всесторонним реформам, поскольку эта

программа начнет уменьшать ренту, которую они получали на ранних стадиях процесса реформ. Следовательно, бенефициары предпочитают заморозить возникновение рыночной экономики в некотором состоянии частичного реформирования, которое максимизирует концентрацию их собственной ренты, хотя и со значительными социальными издержками. В то время как политический смысл J-кривой состоял в том, чтобы проводить реформы через “долину трансформации”, смысл частичных реформ – остановить реформу на “пике трансформации”, т.е. точке, в которой дальнейшие реформы будут угрожать ренте, получаемой бенефициарами благодаря деформациям, возникшим на ранних стадиях реформ.

Эта крайне упрощенная модель политики экономических реформ сильно отличается от общепринятого подхода. В то время как подход J-кривой предполагает, что издержки от реформ концентрированы, а выгоды рассеяны, эта модель исходит из противоположного допущения. Выгоды от реформ сконцентрированы в руках узкой группы выигрывающих в краткосрочном периоде и со временем рассеиваются, только если процесс продолжается. Издержки реформ, напротив, с самого начала распределяются по всей экономической системе. Подход J-кривой предполагает, что трансформационные издержки всесторонних реформ в краткосрочном периоде являются более высокими, чем те, которыми сопровождаются более постепенные реформы, в то время как данная модель вновь предполагает противоположное. Традиционный подход характеризует политику экономических реформ как выбор между их программами, сделанный избирателями в ключевые даты на политическом календаре. Данная модель изображает процесс реформ как результат последовательных решений по отдельным составляющим реформирования, в принятии которых бенефициары, получившие выигрыш от ранее принятых реформ, обладают решающим голосом.

На основе этих альтернативных положений, представленная здесь модель частичных реформ позволяет сделать вывод об исключительном разнообразии политических преград экономическим реформам в посткоммунистических переходных экономиках. Политическая дилемма экономических реформ состоит не в том, как отстоять реформы, столкнувшись с сопротивлением несущих чистые потери в краткосрочном периоде, а в том, как продвигать реформы, столкнувшись с попытками получающих чистые выигрыши сохранить рыночные деформации, которые приносят им краткосрочную выгоду.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Одним из ключевых прогнозов, вытекающих из этого альтернативного подхода, является то, что страны, проводящие частичные реформы, продемонстрируют большее сосредоточение выигрышей в руках бенефициаров и

более высокий уровень трансформационных издержек, чем страны, которые следуют курсом всесторонних реформ. Одним из путей измерения степени частичного реформирования является изучение различного уровня прогресса в каждом отдельном направлении, которые в совокупности составляют программу всесторонних реформ. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) выделяет девять отдельных параметров процесса реформирования: приватизация (большая и малая), реструктуризация предприятий, либерализация цен, либерализация внешней торговли, политика, направленная на создание конкурентной среды, реформа банковского сектора, реформа рынка государственных ценных бумаг и правовая реформа³⁷. ЕБРР проводит рейтинг кумулятивного успеха реформ по каждому параметру при помощи четырехбалльной шкалы. С учетом отклонения этого рейтинга (т.е. разброса вокруг среднего значения) для каждой посткоммунистической страны, мы получаем очень грубую оценку дисбаланса в уровне продвижения реформ по отдельным параметрам³⁸. Эти оценки приводятся в первом столбце табл. 5. Высокая степень отклонения свидетельствует о противоречивом прогрессе по отдельным параметрам экономической реформы, и, следовательно, о большей степени частичного реформирования. Среднее отклонение для каждой из четырех групп стран имеет криволинейную форму. Группы стран с продвинутыми и медленными реформами имеют одинаково низкое отклонение во всем диапазоне оценок их реформ, в то время как группы со средним темпом реформ имеют значительно более высокое отклонение, вызванное неравномерностью их проведения.

Если страны из групп со средними темпами проводили нерегулярные или частичные реформы, то они демонстрировали более высокую концентрацию выигрышей от реформ вместе с более высокими общими социальными издержками. Несмотря на неполноту, последние данные по неравенству и концентрации доходов в транзитивных экономиках обнаруживают некоторые интересные тенденции³⁹. Трансформация в посткоммунистических странах вызвала исключительно быстрое перераспределение доходов. Со времени начала реформ уровень неравенства в доходах вырос в каждой посткоммунистической стране, за исключением Словакии. Средний коэффициент Джини, один из общепринятых показателей неравенства, во всем регионе поднялся на треть – с 24 в 1987-1988гг. до 32 в 1993-1994гг., – со скоростью, беспрецедентной в послевоенное время⁴⁰. За пять-семь лет трансформации страны с переходной экономикой продвинулись от уровня неравенства ниже большинства стран ОЭСР, к уровню, в некоторых случаях равному или превосходящему эти страны. Коэффициент Джини приведен в табл. 5.

Масштаб перераспределения по группам стран различен. С 1987-1988гг. по 1993-1994гг. коэффициент Джини вырос в обеих группах стран со средними темпами реформ на 43% (группа с темпом реформ выше среднего) и

53% (ниже среднего), по сравнению с 18% в группе стран с продвинутыми реформами и 30% среди стран с медленным реформированием. Наиболее высоким среди стран с переходной экономикой коэффициент Джини оказывается в странах со средними темпами реформ, в то время как страны с наиболее продвинутыми реформами имеют наиболее низкий уровень неравенства. Россия выделяется среди стран с переходной экономикой своим удвоением степени неравенства в течение рассматриваемого периода.

Таблица 5. Неравенство и частичные реформы

	Кoeffициенты вариации по шкале ЕБРР	Кoeff - т Джини, 1988-1989	Кoeff - т Джини, 1993-1994	% изменения к-та Джини 1988-1994	Изменение доли высшего квинтиля в совокупном доходе, % пунктов	ВВП 1993-1994гг. к ВВП 1988-1989гг., %
Страны на стадии продвинутых реформ						
Польша	0,25	26	31	19	3,43	88
Словения	0,36	24	28	17	3,76	84
Венгрия	0,28	21	23	10	1,07	81
Чехия	0,28	19	27	42	5,77	81
Словакия	0,19	20	20	0	-0,1	79
Среднее	0,27	22	25,8	18	2,79	82,6
Страны на стадии реформ выше среднего уровня						
Эстония	0,44	23	39	70,0	13,61	73
Болгария	0,53	23	34	48	7,78	69
Латвия	0,75	23	27	17	4,01	60
Литва	0,69	23	36	57	9,75	44
Албания	1,25	*	*	*	*	74
Румыния	0,78	23	29	26	4,08	69
Среднее	0,74	23	33,0	43	7,85	64,8
Страны с реформами ниже среднего уровня						
Киргизстан	0,94	26	35	35	*	61
Россия	0,53	24	48	100	20,02	57
Молдова	0,53	24	36	50	8,89	53
Казахстан	0,36	26	33	27	*	57
Среднее	0,59	25	38,0	53		57,0
Страны с низким уровнем реформ						
Туркменистан	0,11	26	36	38	*	69
Украина	0,19	23	33	43	*	56
Узбекистан	0,25	28	33	18	*	89

Беларусь	0,11	23	28	22	*	73
Среднее	0,17	25	32,5	30		71,75

* – нет данных

Источник: Milanovic (ссылка 39, 1996), 58

Рис.5 соотносит средние изменения неравенства в группах реформируемых стран с их средним отклонением от показателей трансформации ЕБРР. Криволинейная форма примерно такая же. Хотя эти данные не могут охватить все причинно-следственные связи, они привлекают внимание к интересному соотношению между дисбалансом, связанным с внедрением частичных реформ и растущим уровнем неравенства в посткоммунистических странах.

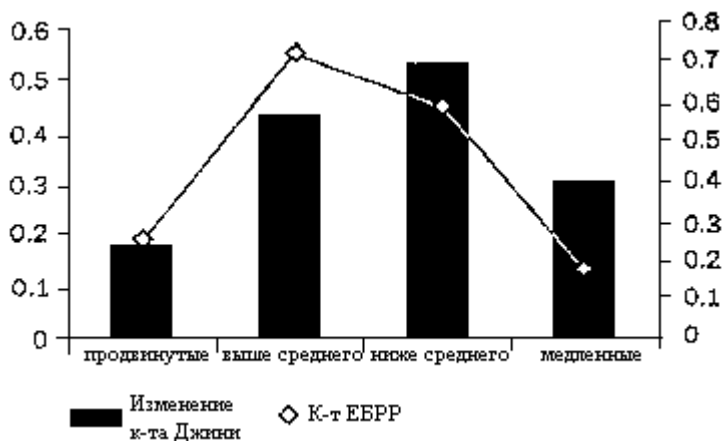

Рис. 5 Реформы и неравенство

Рост неравенства в посткоммунистических переходных экономиках выражается в существенном сосредоточении доходов в руках группы наиболее богатых, хотя данные о концентрации доходов являются менее полными, чем о неравенстве в целом. Таблица 5 описывает изменение (в процентных пунктах) доли в совокупном доходе страны квинтиля* самых богатых за период между 1987-1988гг. и 1993-1994гг. Рост доли доходов наиболее богатой квинтильной группы в странах со средним уровнем реформ превосходит его рост в странах с продвинутыми реформами, за исключением Чешской Республики. Квинтиль самых богатых в странах с реформами выше среднего уровня увеличил свою долю в среднем на 7,8 процентных пункта, тогда как в стра-

* Здесь: пятерки. – Прим. ред.

нах с продвинутыми реформами – только на 2,8 пункта. Две страны в группе с реформами ниже среднего уровня, на которые распространяются эти данные, также обнаруживают значительный рост концентрации доходов. И вновь значительным ростом доходов квинтильной группы выделяется Россия. За исключением Венгрии и Словакии, все посткоммунистические страны с момента начала трансформации пережили высоко регрессивное перераспределение доходов. Тем не менее данные свидетельствуют о том, что это перераспределение достигло наибольшего абсолютного значения именно в тех странах, которые проводили частичные реформы.

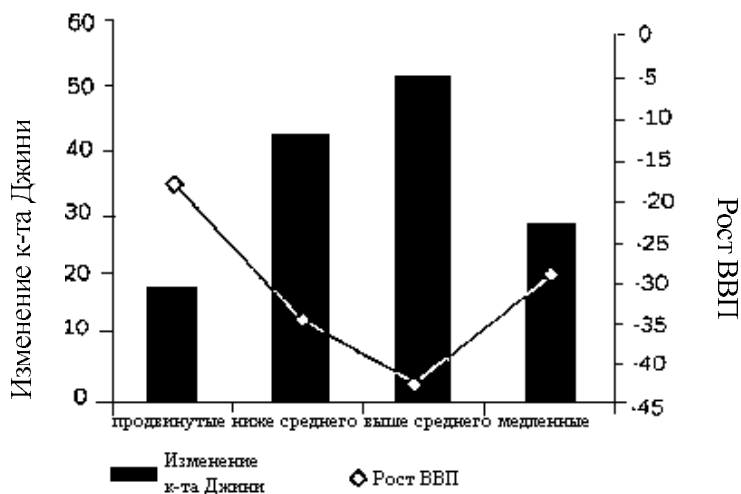

Рис. 6 Неравенство и рост ВВП

Разница в динамике неравенства и концентрации доходов среди реформируемых групп полностью соответствует кумулятивному падению объема производства, который является общепринятым показателем издержек реформы. Последний столбец табл.5 отражает отношение ВВП 1993-1994гг. к ВВП 1989г. в посткоммунистических странах. Среднее кумулятивное снижение ВВП в двух группах стран со средними темпами реформ превосходит и страны с продвинутыми реформами, и страны с медленными реформами. К 1994г. в странах с темпом реформ ниже среднего падение составило 43% , а в странах с темпом реформ выше среднего – 35,2%. Страны с продвинутыми реформами достигли гораздо меньшего падения ВВП – 19,4%, а страны с медленными реформами – в среднем 28,3%. Как показано на рис.6, среднее снижение ВВП в группах реформируемых стран соответствует процентному увеличению неравенства, измеренному с помощью среднего коэффициента Джини для каждой группы стран.

Имеющиеся ограниченные данные об изменениях в неравенстве, концентрации доходов и ВВП в посткоммунистических странах подтверждают прогнозы модели частичных реформ. Хотя посткоммунистические экономические реформы явно вызвали высокие краткосрочные издержки, приносимые ими выигрыши сильно сконцентрированы внутри узкой группы бенефициаров. Страны, которые проводили частичные реформы, имели более высокую концентрацию этих выигрышей и одновременно самые высокие краткосрочные издержки среди стран с переходной экономикой.

Имеющие чистый выигрыш приобрели больше выгод по сравнению с несущими потери в частично реформируемых экономиках по сравнению со своими аналогами среди стран с продвинутыми и медленными реформами. Более того, все отклонения от показателей трансформации ЕБРР демонстрируют, что эти выигрыши были связаны с дисбалансом между проведением реформ и рыночными деформациями, которые ими вызваны. Если исправление этих деформаций в ходе дальнейших рыночных реформ несет угрозу сокращения потоков ренты для краткосрочных бенефициаров, они будут выступать против таких мер до тех пор, пока доля их выигрышей от эффективности, порожденной дальнейшими реформами, не превысит величину утраченных потоков ренты. Бенефициары заинтересованы в поддержке состояния равновесия частичной реформы, чтобы максимизировать концентрацию ренты. В то время как существующие модели политики экономических реформ допускают, что имеющие чистый выигрыш образуют группу избирателей, предпочитающих поддерживать и продвигать рыночные реформы, модель частичных реформ обращает внимание на то, что эти бенефициары создадут мощные препятствия к достижению устойчивого успеха процесса реформирования.

Наиболее важный политический смысл модели частичных реформ ясен: если выигрышающие от частичных реформ обладают правом вето в политике, то трансформация приведет к состоянию равновесия частичной реформы, которое сконцентрирует выигрыши бенефициаров при высоких социальных издержках⁴¹. Следовательно, главной политической проблемой реформы в этой модели является сдерживание тех, кто имеет чистый выигрыш. Политические системы, которые сосредотачивают больше власти в руках бенефициаров, с течением времени с большей вероятностью будут проводить частичные реформы. Наоборот, политические системы, более открытые к участию несущих потери в процессах принятия политических решений, приведут к большей дисперсии выигрышей от реализации реформ. Если первоначальная рента на ранних стадиях реформы будет полностью рассеяна, то бенефициары смогут обнаружить, что выигрыши от эффективности, полученные благодаря всесторонним реформам, более привлекательны, чем урезанные потоки ренты от состояния равновесия частичной реформы.

Трудно измерить с какой-либо определенной точностью сосредоточение власти в руках краткосрочных бенефициаров в переходных экономиках. Одна из возможностей состоит в том, чтобы попытаться измерить степень сохранения власти бывших коммунистических элит, поскольку считается, что частичные реформы определенно приносят выгоду таким экономическим субъектам, как менеджеры государственных предприятий, председатели колхозов, чиновники из министерств, партийные деятели, – т.е. тем, кто имеет возможность арбитража между сильно регулируемым и субсидируемым государственным сектором и более свободным рыночным сектором. Представляется возможным измерить сохраняющееся политическое влияние бывшей коммунистической партии и ее преемников в посткоммунистических политических институтах. Или наоборот, можно исследовать срок персонального нахождения у власти в правительстве или ключевом экономическом секторе. Однако такие исследования могут привести к ошибке оценки влияния других групп, выигрывающих от политики частичных реформ, чьи выигрыши не обязательно связаны с их положением в прежней коммунистической системе, таких как новые коммерческие банкиры, менеджеры инвестиционных фондов и целый слой частных предпринимателей. Во многих посткоммунистических системах эти действующие лица также имеют значительные краткосрочные выгоды от деформаций развивающейся рыночной экономики, и они могут обладать значительной политической властью⁴².

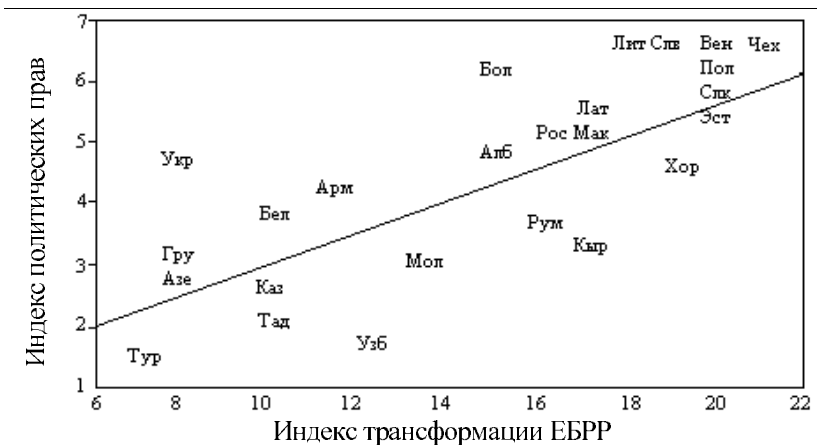

Рис.7 Демократия и экономические реформы

Другой возможный подход к этой проблеме состоит в том, чтобы оценить степень открытости посткоммунистических политических систем к влиянию со стороны несущих потери в краткосрочном периоде. Это предполагает, что

более активное их участие в политическом процессе означает ограничение власти бенефициаров. Можно ожидать, что более активное участие несущих потери приведет к ограничению права вето бенефициаров на продвижение реформы, которое не совпадает с их дальнейшими краткосрочными интересами. Более важно то, что политики, которые сталкиваются с регулярными, действительно свободными выборами, могут быть отстранены от реализации политики, сосредоточивающий выгоды от реформ в руках узкой группы лиц, одновременно порождая высокие социальные издержки.

Рис.7 представляет собой график разброса в соотношении между уровнем демократии и масштабом экономических реформ в посткоммунистических странах. Оценка экономических реформ основана на кумулятивных показателях трансформации ЕБРР⁴³. Уровень демократии базируется на средней для каждой страны ежегодной оценке индекса политических прав в процессе трансформации Freedom House⁴⁴. Индекс Freedom House измеряет индивидуальные права свободного участия в политическом процессе, сфокусированные главным образом на политическом участии в избирательной системе. График обнаруживает сильную положительную корреляцию между политическими правами и экономическими реформами ($r = 0,78$). Более свободные политические режимы внедрили и поддерживали более высокие уровни экономических реформ, чем режимы с урезанными политическими правами. С учетом того, что несущих краткосрочные потери больше, чем бенефициаров, мы можем предположить, что более свободный политический режим предоставляет теряющим от экономических реформ больше возможностей влияния на исход выборов, чем менее свободные режимы.

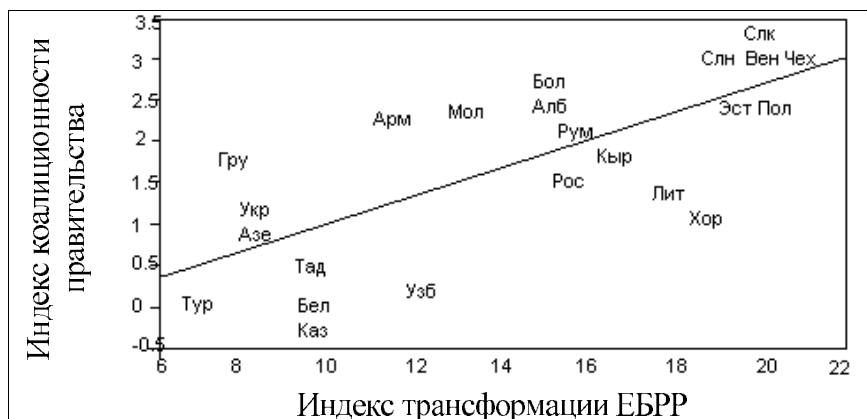

Рис. 8 Коалиционность правительства и экономические реформы

Другой более специфический способ определить степень участия в политической системе фокусируется на размере правительственной коалиции. По мере того как растет количество политических партий в коалиционном правительстве, увеличивается и количество действующих лиц и групп, чье согласие требуется для координации эффективных политических решений⁴⁵. Это ведет к ослаблению концентрации власти в руках какой-либо отдельной политической партии или группы. Широкая правительственная коалиция меньше рискует состоять исключительно из чистых бенефициаров реформ, чем однопартийное правительство. Одним из способов измерить размер коалиционности правительства является простая шкала, предложенная Роубуни и Саксом в работе о правительственной коалиции и дефиците бюджета в странах ОЭСР⁴⁶. Рис. 8 показывает график зависимости между размером коалиционности правительства и суммой показателей трансформации ЕБРР 1994 г. для каждой посткоммунистической страны. Существует сильная положительная корреляция ($r = 0,72$) между размером коалиционности правительства и экономическими реформами. Чем больше политических сил вовлечено в процесс принятия политических решений, тем больше возможности правительства проводить всесторонние реформы.

Ни одна из переменных – степень политической свободы или размер коалиционности правительства – не определяет прямо относительную возможность влияния выигрывающих и проигрывающих от экономических реформ на правительственные политические решения. Однако они оценивают степень участия в процессах принятия политических решений. Политическая свобода может воздействовать на динамику процесса реформирования двумя возможными путями. Во-первых, может привести к большему рассредоточению рентных доходов от реализации частичных реформ, поскольку большее количество групп требует своей доли краткосрочных выигрышей. Если выигрыши отдельных групп сократятся, уменьшится и преимущество частичных реформ по сравнению с всесторонними. Во-вторых, чем больше степень политической свободы в решениях относительно экономических реформ, тем меньше вероятность того, что бенефициары будут способны навязывать политику, которая принесет им частные выигрыши при высоких социальных издержках. Политическая свобода может действовать как узда для бенефициаров, подрывая их способность удерживать экономику в состоянии равновесия частичной реформы.

ВЫВОДЫ

Хотя многие посткоммунистические страны в поразительно короткие сроки сделали гигантский шаг к созданию рыночной экономики, даже в лучших случаях издержки этой трансформации были значительными. Пусть и в различной степени, но каждая страна столкнулась с сочетанием высокой

инфляции, высокой безработицы, снижения реальных доходов, сворачиванием общественных услуг и ростом нестабильности, которые дали хорошо известные примеры успехов и неудач экономических и политических реформ в других регионах мира. Тем не менее по сравнению с политической динамикой экономических реформ в этих регионах, проигрывающие от реформ в посткоммунистических странах не стали основным политическим препятствием процессу реформирования. В статье доказывается, что именно те страны, правительства которых были наиболее чувствительны к угрозам со стороны несущих потери повернуть реформы вспять, выбрали и проводят наиболее всесторонние программы. И наоборот, правительства, огражденные от давления электората, в лучшем случае достигли лишь некоторого успеха в реформировании своих экономик. Более того, однажды принятые экономические реформы редко поворачивались вспять, если правительство реформаторов, которое их инициировало, затем ушло в отставку.

Хотя посткоммунистические переходные экономики не пострадали от традиционных предполагаемых и фактических препятствий реформированию, они столкнулись со множеством в равной степени серьезных трудностей, пристекающих из неожиданных источников. Экономические субъекты, которые имели невероятные выигрыши от деформаций в частично реформируемой экономике, боролись за эти выигрыши путем сохранения деформаций частичных реформ на протяжении определенного времени. Банкиры, получившие выигрыш от финансовой либерализации, были влиятельной силой, сопротивляющейся макроэкономической стабилизации. Превратившиеся в частных собственников государственные менеджеры, которые сильно выиграли благодаря приватизации, препятствовали созданию эффективной корпоративной правительственной структуры и, следовательно, столь необходимой реструктуризации предприятий. Растущие промышленно-финансовые группы, возродившиеся или впервые возникшие на рынках государственных ценных бумаг, использовали свою власть, чтобы заблокировать вход на новые рынки. Новые предприниматели-мафиози, получившие огромные выигрыши от либерализации внутренней и внешней торговли, сопротивлялись созданию действенной правовой системы, поддерживающей рыночную экономику. В каждом случае выигрывающие на ранних стадиях реформ имели свои мотивы заблокировать их дальнейшее продвижение, которое могло бы исправить те деформации, на которых были основаны их выигрыши. В результате они искали пути продления периода частичных реформ, чтобы сохранить свои первоначальные потоки ренты, хотя и при значительных социальных издержках.

В статье показано, что препятствия, создаваемые бенефициарами, основаны на ряде предположений об издержках и выгодах от реформ, отличающихся от выводов модели J-кривой, на которой основано большинство суще-

ствующих моделей политической экономии реформ. J-кривая предполагает, что экономические реформы концентрируют краткосрочные издержки и рассеивают выгоды в долгосрочном периоде. Эта статья продемонстрировала, что в посткоммунистических переходных экономиках экономические реформы обеспечивают высококонцентрированные выигрыши в руках отдельных групп людей в краткосрочном периоде, в то же время, рассредоточивая трансформационные издержки реформ по всей экономике. Следует ожидать, что продвижение экономических реформ приведет к уничтожению первоначальной концентрации ренты, как только все составные элементы рыночной экономики будут расставлены по своим местам. Итак, несмотря на то, что бенефициары приобретали выигрыши на ранних стадиях процесса реформирования, они делали ставку на серьезные деформации, которые затрудняют реализацию выигрышей от эффективности полноценно функционирующих рынков.

Представление, что проигрывающие являются меньшей угрозой процессу экономических реформ, чем выигрывающие, имеет важное значение для нашего понимания политических институтов, которые содействуют или препятствуют проведению экономических реформ. В то время как традиционная политико-экономическая модель основывается на важности ограждения государства от давления со стороны несущих потери путем различных форм государственной автономии, модель частичных реформ подчеркивает необходимость ограничения бенефициаров с помощью роста конкуренции с другими группами или уменьшения в одностороннем порядке их возможности наложить вето на мероприятия по реформированию. Согласно этой точке зрения, расширение степени участия проигрывающих от реформ в процессе принятия политических решений могло бы ограничить концентрированные властные полномочия бенефициаров и удержать их от сохранения состояния равновесия частичной реформы. Наша статья убеждает, что посткоммунистические системы с более высоким уровнем политического участия и конкуренции были способны внедрять и проводить более всесторонние реформы, чем государства, сильно изолированные от политических масс и давления электората.

Модель частичных реформ предлагает объяснение некоторых загадочных аспектов посткоммунистических переходных экономик. Она объясняет, почему некоторые страны долгое время проводили частичные реформы, несмотря на то, что краткосрочные издержки были выше, а общие выигрыши – ниже, чем при всесторонних реформах. Она также объясняет, почему посткоммунистические страны, в которых выигрывающие от процесса реформ приобрели значительную власть в принятии решений в области экономической политики, тем не менее остаются в трясине частично реформируемой экономики. Наконец, она дает возможное объяснение сильной связи

между демократией и экономическими реформами в посткоммунистических переходных экономиках, акцентируя внимание на преимуществах включения в политику именно тех групп, которые страдают от трансформационных издержек реформы.

Одним из фундаментальных принципов политики экономических реформ всегда было создание прослойки бенефициаров, которые будут способны поддерживать и продвигать процесс реформирования. Это была общая стратегия и для придания реформам необратимого характера, и для наращивания необходимой политической поддержки дальнейшего реформирования. Тем не менее, сравнение посткоммунистических переходных экономик позволяет заключить, что выигрывающие могут наносить гораздо больший ущерб развитию экономических реформ, чем проигрывающие. Таким образом, успех экономических реформ зависит как от создания, так и от ограничения прослойки выигрывающих. Парадоксально, что наиболее эффективной мерой по ограничению бенефициаров в посткоммунистических странах оказалось гарантированное включение в политический процесс именно тех групп избирателей, которые в большинстве моделей политической экономии реформ исключены из этого процесса: несущих потери в краткосрочном периоде реформ.

Перевод Елены РАКОВОЙ

- 1 Przeworski, *Democracy and the Market* (New-York: Cambridge University Press, 1991), 138.
- 2 На вариациях на эту тему сделали акцент доброжелатели независимых государств (Peter Evans, "The State as Problem and Solution: Predation, Embeeded Autonomy, and Structural Change", в Stephan Haggard and Robert R. Kaufman, eds., *The Politics of Economic Adjustment* [Princeton University Press, 1992]); влиятельные государственные чиновники (Stefan Haggard and Robert Kaufman, *The Political Economy of Democratic Transitions* [Princeton University Press, 1995]); отдельные технократы (John Williamson, "In Search of a Manual for Technopols", Williamson, ed., *The Political Economy of Policy Reform* [Washington, D.C.: Institute for International Studies, 1994]) и осуществляющие внешнюю помощь (Jeffrey Sachs, "Western Financial Assistance and Russi's Reforms", Shafiq Islam and Michael Mandelbaum, eds., *Making Markets: Economic Transformation in Eastern Europe and Post-Soviet States* [New York: Council on Foreign Relations, 1993]). Сам Пржеворски не разделял такой точки зрения, поскольку верил, что это приведет к проблемам консолидации демократии; Przeworski A., "Economic Reforms, Public Opinion, and Political Institutions: Poland in the Earstern European Perspective // Luis C.B. Pereria, Mario M. Maravall, and Adam Przeworski. *Economic Reform in New Democracies: A Social-Democratic Approach* (New York: Cambridge University Press, 1993).
- 3 Это один из аргументов, используемый против радикального подхода к экономическим реформам или "шоковой терапии". Обзор политэкономических аргументов против такого подхода см. Gerard Roland, "The Role of Political Conctrains in Transition Economies", *Economies of Transition* 2, №1 (1994).
- 4 В функции ожидаемой полезности для любого данного экономического субъекта выгоды от реформ должны быть дисконтированы при вероятности того, что реформы могут быть

- свернуты до того, как принесут выигрыши. Обзор этих проблем политики экономических реформ см. Mariano Tommasi and Andres Velasco, "Where Are We in the Political Economy of Reform?" (Manuscript, Cambridge, Mass., 1995).
- 5 Haggard and Kaufman (ссылка 2, 1995).
 - 6 В более ранней литературе, см. классическое исследование этого вопроса у Samuel Huntington, *Political Order in Changing Societies* (New Haven: Yale University Press, 1968); и в обзоре Stephan Haggard, *Pathways from the Periphery: The Politics of Growth in the Newly Industrializing Countries* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1990). Существуют обширные современные работы о преимуществах государственной автономии и изоляции. Самыми выдающимися являются Evans (ссылка 2); Haggard and Kaufman, "Economic Adjustment and the Prospects for Democracy" (ссылка 2); Williamson (ссылка 2).
 - 7 Нельсон доказывает, что этот подход может быть непосредственно применен к посткоммунистической переходной экономике: Joan M. Nelson, "The Politics of Economic Transformation: Is Third World Experience Relevant in Eastern Europe?", *World Politics* 45 (April 1993).
 - 8 Обширные международные сравнения посткоммунистических переходных экономик включают ЕБРР, *Transition Report, 1994* (London: European Bank for Reconstruction and Development, 1995); World Bank, *World Development Report, 1996* (Washington, D.C.: World Bank, 1996). Остальные исследования включают: Anders Aslund, Peter Boone, and Simon Johnson, "How to Stabilize: Lessons from the Postcommunist Countries", *Brookings Papers on Economic Activity* (1996); Martha de Melo, Cevdet Denizer, and Alan Gelb, *From Plan to Market: Patterns of Transition*, World Bank Policy Research Working Paper, №1564 (1996); и Stanley Fischer, Rajiv Sahay, and Carlos Vegh, "Stabilisation and Growth in Transition Economies: The Early Experience" (Manuscript, Washington, D.C., 1996).
 - 9 Мировой банк (ссылка 8).
 - 10 Группы исключают страны, подверженные военным действиям: Армения, Азербайджан, Хорватия, Грузия, Македония и Таджикистан.
 - 11 Аналогичные результаты можно получить, рассматривая ранжирование стран с транзитивными экономикими, с помощью индикаторов, введенных ЕБРР, которые измеряют процесс продвижения реформ в шести категориях; ЕБРР (ссылка 8, 1994). Расчеты ЕБРР в свой рейтинг включают больше институциональных переменных.
 - 12 Де Мело, Denizer, and Gelb (ссылка 8).
 - 13 Аслунд, Бун и Джонсон (ссылка 8) обнаружили обратную связь между масштабом применяемых экономических реформ и размером суммарного спада объема производства, хотя в регрессию были добавлены некоторые основные контрольные переменные. Они не исследовали существование нелинейной связи как это предложено на рис.2. Тем не менее они достигли аналогичных выводов, используя сравнительный анализ.
 - 14 Достоверность данных по безработице в посткоммунистических странах внушает серьезные опасения и поэтому их следует использовать с осторожностью.
 - 15 Аслунд, Бун и Джонсон (ссылка 8).
 - 16 Haggard and Kaufman (ссылка 2, 1995), 156.
 - 17 Посткоммунистические страны, где велись военные действия, исключены, поскольку есть вероятность, что смена правительства была вызвана войной.
 - 18 Сменяемость исполнительной власти определяется временем, через которое были смещены лидирующие в стране полисемейеры, принадлежащие к этой ветви власти. В президентских системах учтена смена президентов. В парламентских и смешанных системах учтена смена премьер-министров. Нули означают, что некоторые правительства управляли страной как во время нахождения коммунистов у власти, так и во время трансформации, поэтому смены правительства не было вообще.
 - 19 Сменяемость правительства определяется количеством месяцев, в течение которых глава исполнительной власти страны (президент в президентских системах и премьер-министр

- в парламентских и смешанных президентских системах) занимал свой пост.
- 20 О Словении см. Sabena Petra Ramet, "Slovenia's Road to Democracy", *Europe-Asia Studies* 45, №5 (1993); Boris Pleskovic and Jeffrey D. Sachs, "Political Independence and Economic Reform in Slovenia", в Oliver J. Blanchard, Kenneth A. Froot, and Jeffrey D. Sachs, eds., *The Transition in Eastern Europe* (Chicago: University of Chicago Press, 1994), 1.
 - 21 О Венгрии см. David L. Bartlett, "Stabilisation, Adjustment, and Reform: The Political Economy of Transformation in Hungary" (Manuscript, 1995); Laszlo Bruszt and David Stark, "Remarking the Political Field in Hungary: From the Politics of Confrontation to the Politics of Competition", Ivo Banac, ed., *Eastern Europe in Revolution* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1992); Valerie Bunce and Mario Csanadi, "Uncertainty in the Transition: Post-Communism in Hungary", *East European Politics and Society* 7, №2 (1993).
 - 22 Даже Вацлав Клаус столкнулся с мощным давлением электората, что подтверждается его слабым участием в парламентских выборах 1996г. Коалиционное трехпартийное правительство Клауса потеряло свое большинство и управляло как коалиция меньшинства. О Чешской республике см. Mitchell Orenstein, "Out of the Red: Building Capitalism and Democracy in Post-Communism Europe" (Ph.D. diss., Yale University, 1996).
 - 23 Это не должно быть принято за степень полномочий по продолжению доминирования бывших коммунистических лидеров в посткоммунистическую эпоху. Не все страны с низким уровнем реформ столкнулись с правлением бывших коммунистических лидеров. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан по-прежнему находятся под руководством глав исполнительной власти, которые были первыми секретарями своих коммунистических партий в период, предшествующий переходному. Первый лидер Украины, Леонид Кравчук, в прошлом был вторым секретарем коммунистической партии Украины. В Беларуси, Киргизстане, Молдове и в России новые главы исполнительной власти были избраны путем голосования на выборах, однако большинство из них имели определенное руководящее положение – не обязательно лидирующее – в коммунистической партии соответствующих республик в дореформенный период.
 - 24 Румыния имеет смешанную систему, в которой всенародно избираемый президент делит значительные полномочия с парламентским правительством. С 1990г. в Румынии было три премьер-министра со средним сроком нахождения у власти 21 месяц. О Румынии см. Katherine Verdery and Gail Kligman, "Romania after Ceausescu: Postcommunism?" in Banac (ссылка 21).
 - 25 В недавно опубликованной статье о политике стабилизации в посткоммунистических системах я показываю, что программы стабилизации как правило выдвигаются до выборов – в наиболее ненадежный с политической точки зрения срок – или сразу после победы на выборах; см. Joel S. Hellman, "Competitive Advantage: Political Competition and Economic Reform in Post-Communism Transitions" (Manuscript, 1996).
 - 26 Пржеворски (ссылка 1), 179.
 - 27 Аналогично индикаторы ЕБРР, измеряющие прогресс в экономических реформах с помощью шести категорий в 1994г. и девяти категорий в 1995г., не отразили значительного изменения в направлении реформ в любой из посткоммунистических стран; ЕБРР (ссылка 8, 1994, 1995).
 - 28 Для детального рассмотрения процесса приватизации в Центральной Европе и странах Балтии см.: Roman Frydman and Andrzej Rapaczynski, *The Privatization Process in Central Europe*, 2 vols. (budapest: Central European University, 1993).
 - 29 Мое предположение.
 - 30 Оценку макроэкономической политики в Венгрии и Литве см. в соответствующем разделе отчета ЕБРР (ссылка 8, 1995)
 - 31 Конечно, это не предотвращает подобных отказов от реформ в будущем, равно как и обязательно благоприятно для построения стабильной демократии. Пржеворски (ссылка 2) подчеркивает, что негативная реакция электората на реформы, которая не приводит к их

сворачиванию, может быть политически дестабилизирующей при развивающейся демократии. Если избиратели продолжают считать, что их мнения не отражены в политических переменах, то они могут утратить доверие к процессу демократизации и попасть под влияние авторитарных решений.

- 32 Это предположение является особенно важным в политико - экономических моделях, которые разработаны для выяснения преимуществ постепенных реформ. Роланд доказывает, что наилучшей стратегией политики реформ является та, которая начинает с мер, формирующих контингент бенефициаров краткосрочного периода, которые получают выигрыш от процесса реформ, так что они будут продолжать отстаивать даже дорогостоящие меры, которые должны быть приняты для продолжения реформ. См. Gerard Roland, "Political Economy of Sequencing Tactics in the Transition Period", in Laszlo Csaba, ed., *Systemic Change and Stabilisation in Eastern Europe* (Aldershot, U.K.: Dartmouth Press, 1991). Это также в духе критики Мюрреля о программах реформ "шоковой терапии"; Peter Murrell, "Conservative Political Philosophy and the Strategy of the Economic Transition", *East European Politics and Societies* 6, №1 (1993), и идеи "Evolution in Economics and in the Economic Reform of the Centrally Planned Economies", in Christopher Clague and Gordon C. Rausser, eds., *The Emergence of Market Economies in Eastern Europe* (Cambridge, Mass.: Blackwell, 1992)
- 33 Haggard and Kaufman (ссылка 2, 1995), ч. 1, особо подчеркивают эту дилемму совместных действий в политической экономии реформ
- 34 Единственной работой, в которой открыто исследуется динамика частичных реформ, является: Kevin M. Murphy, Andrei Shleifer, и Robert Vishy, "The Transition to a Market Economy: Pitfalls of Partial Reform", *Quarterly Journal of Economics* 57, №3 (1992). Ronald I. McKinnon коснулся этой проблемы в своем исследовании различных проигрышей экономических реформ; см. McKinnon, *The Order of Economic Liberalization: Financial Control in the Transition to a Market Economy* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991). Ричард Е. Эриксон рассматривал социальные издержки частичных реформ в специфическом контексте трансформации от централизованной плановой экономики, однако он не изучал распределение выгод таких реформ; см. Ericson, "The Classical Soviet-Type Economy: Nature of the System and Implications for Reform", *Journal of Economic Perspectives* 5, №4 (1991)
- 35 Ericson, (ссылка 34)
- 36 Тот факт, что такие деформации рынка существуют, не гарантирует, что экономические субъекты будут в состоянии воспользоваться ими в этих частично реформируемых экономиках. Возможно, что государство с большими ограничивающими полномочиями сможет создать барьер между либерализованными и более жестко регулируемыми сферами экономики, препятствующий доступу экономических субъектов к получению выигрышей от возможности поиска ренты. Это часто служит объяснением успеха частичных реформ экономики Китая, хотя информация в СМИ о высоком уровне коррупции в государственном секторе Китая заставляет предположить, что возможности государства создавать такие барьеры ограничены; Murphy, Shleifer, and Vishny (ссылка 34).
- 37 Конечно, это не все компоненты всесторонних реформ, но они охватывают те, которые чаще всего рассматриваются как ключевые элементы реформы. См. ЕБРР (ссылка 8, 1995).
- 38 Такое измерение предполагает, что промежуток между границами четырехбалльной шкалы в рамках каждого параметра является непосредственно сопоставимым для всех параметров, что противоречит действительности. В результате, такое измерение степени частичного реформирования следует интерпретировать со значительной осторожностью. Исходя из потенциальной ошибки при оценке степени частичного реформирования было бы неуместно использовать эти данные в любых сложных статистических расчетах. Скорее, на этой стадии данные в большей мере привлекают внимание к тенденциям, которые заслуживают дальнейшего эмпирического исследования.
- 39 Мировой банк собирал только подробные данные о неравенстве и концентрации доходов

- в транзитивных экономиках, основанные на опросах домашних хозяйств. К сожалению, поскольку данные по всем странам с переходной экономикой недоступны, то невозможно сделать какой-то статистический анализ на основе этой малой совокупности стран. Бранко Милановик представил данные и провел интересный анализ о связи между неравенством и бедностью. См. Milanovic, “*Poverty, Inequality and Social Policy in Transition Economies*”, World Bank Policy Research Working Paper, №1530 (1995); и *Income, Inequality and Poverty during the transition*, Transition Economies Division Research Paper Series 11 (1996). Данные о неравенстве в посткоммунистических странах требуют большего, чем обычное предостережение, с учетом того, что у экономических агентов всех уровней существуют сильные мотивы скрыть доходы от налогообложения. Коэффициенты Джини в дореформенный период были занижены вследствие ограничений идеологического характера на обнаружение неравенства и многочисленных форм побочных доходов *номенклатуры* в социалистических системах. Возможно, что коэффициенты Джини также занижены и в период трансформации, поскольку группы с высокими доходами имеют большие возможности по их сокрытию.
- 40 Milanovic (ссылка 39, 1996). Ч.4.
- 41 Страны, которые проводят радикальные экономические реформы с самого начала трансформации, не обязательно застрахованы от этих проблем. Даже наиболее радикальные программы реформ состоят из множества элементов с разным временем реализации, дающим возможность роста временных рыночных деформаций и финансового арбитража, которые приносят концентрированные краткосрочные выигрыши. Поскольку процесс реформирования не заключается в выборе единственной программы реформы, а скорее является результатом последовательного выбора отдельных параметров реформ в течение определенного периода времени, у краткосрочных бенефициаров остается много возможностей свернуть радикальные преобразования.
- 42 Дмитриев провел детальный анализ ренты, получаемой вновь созданными коммерческими банками, прямо связанной с отсутствием макроэкономической стабилизации в рамках сильно либерализованных финансовых систем, и того, насколько быстро эта рента сокращается, если экономика начала стабилизироваться. См. Mikhail E. Dmitriev et al., *Rossiiskie Banki Nakanune Finansovoi Stabiliatsii* (Russian banks on the eve of financial stabilization) (St. Petersburg: Norma, 1996).
- 43 ЕБРР (ссылка 8, 1994).
- 44 Freedom House, *Freedom in the World, 1993-1994* (New York: Freedom House, 1994)
- 45 Тзебелис доказывает, что рост числа партий в коалиционном правительстве увеличивает количество вето решений в полисмейкерском процессе; см. George Tsebelis, “Decision-Making in Political Systems: Veto in Presidentialism, Parliamentarism, Multicameralism and Multipartyism,” *British Journal of Political Science* 25 (1995).
- 46 Шкала слегка модифицирована для посткоммунистических стран путем включения такой категории, как однопартийное правительство, которое явно ограничивает конкуренцию между партиями. Шкала представляет собой следующее: 1 - однопартийное авторитарное правительство (конкуренция ограничена); 2 - однопартийное правительство парламентского большинства или объединенное президентское правительство; 3 - двухпартийное коалиционное правительство или президентское правительство с двумя партиями; 4 - трех- и более партийное правительство; 5 - правительство меньшинства. Ежемесячные оценки размера коалиционности правительства были кодифицированы для каждой посткоммунистической страны, начиная с первых свободных выборов или формальной декларации о независимости. Для построения графика использованы средневзвешенные ежемесячные оценки. См. Nouriel Roubini and Jeffrey Sachs, “Government Spending and Budget Deficits in the Industrial Countries”, *Economic Policy* 8 (1989); и работу “Political and Economic Determinants of Budget Deficits in the Industrial Democracies”, *European Economic Review* 33 (1989).